

кого пополним мы в эмиграции свои ряды — ряды тех, кто понесет в Россию **новое** слово освобождения? Конечно — «дерзновенны наши речи»...

Мы и сами знаем, что
...«на смерть осуждены
слишком ранние предтечи
слишком медленной весны»...

Но ведь эти соображения никогда не оставляли русскую молодежь...

Ибо в ней одной среди эмигрантов еще мог-бы пробудиться жертвенный порыв...

Но мы знаем, что из ее среды **нас услышат немногие**. Те, чья душевная (и духовная) «антенна» способна уловить в хаосе современности трагический ритм истории. Этой малой фаланге молодежи не надо «доказывать»: она сразу откликается, и даже не на аргументы, а на одни **утверждения**. Она уже сама, интуитивно, — созрела. Она чувствует крушение старого мира. Видит его неправду. Она слышит зов грядущего дня.

В эмиграции таких мало. Очень мало. И мы зовем именно их сплотиться и идти с нами — для совместного искания новых путей.

Каковы эти пути? Как ускорить нам осознание и оформление нового, пореволюционного мировоззрения? Как найти общий язык с нашими братьями в России? Сегодня еще братьями по плоти, — завтра — по духу?

Я ставлю этот вопрос нашим молодым, разбросанным судьбой по лицу земли: молодым эмигрантам. Пусть задумаются они над ним. Пусть ответят — статьей, заметкой, письмом.

Все ценнее — целиком или в выборках — будет напечатано. Мы рады будем вступить в переписку и с не-единомышленниками — ибо привыкли внимательно и непредвзято вникать во всякое искреннее и обоснованное суждение.

Но мы ждем от пореволюционной молодежи прежде всего попыток **точного анализа** положения, четких формулировок наших задач. **Реальных и конкретных** предложений.

От слов пора перейти к делу.

А. Яримдзе.

ВОСКРЕШЕНИЕ ТРОЦКОГО

На первый взгляд: что особенного в поездке Троцкого в Копенгаген? — Социал-демократические студенты пригласили его прочесть лекцию. Отставной «вождь» обрадовался случаю проветриться. Собрал чемоданы, друзей, жену — поехал... Но все-таки: совершают-ли для одной лекции, хотя бы и за счет богатых социал-демократов, путешествие вокруг всей Европы, такое сложное и дорогое? Месячное содержание целой семьи, ее охраны, специальные каюты и купе, отдельные паровозы, моторные лодки, автомобили. Что то необычное!.. Вдумайтесь дальше в те исключительные предосторожности, какими оказалась обставленной эта поездка. Неужели дело только в том, что этот «профессиональный революционер», «организатор Октября», предреволюционер и пр., и пр., на деле труслив,

как курица? Я читал в газетах отзыв одного из сопровождавших его полицейских агентов: «в жизни моей не видал ничего более трусливого». Я не склонен особенно брать под защиту личное мужество Троцкого. Но и только курицей я его не считаю. Правда, меры охраны своей особы он принимал всегда исключительные — как никто в Советской России. Помню: когда он был назначен Наркомпутом, то велел в Западном дворце, где помещалось путейское ведомство, пробить особый ход с улицы прямо в свой кабинет, чтобы входить и выходить незаметно. То же было и в Реввоенсовете. Любопытно, что когда потом Наркомпутом стал Дзержинский — человек, имевший не меньше, а, пожалуй, больше оснований бояться за свою жизнь, — он велел эту дверь заколотить, ходил там, где все, по самым

людным корридорам. И все таки мне думается, что исключительная осторожность Троцкого всегда вызывалась у него не столько личной трусостью, сколько повышенным представлением о своем значении для мировых судеб. Надо только вспомнить: описывая как-то, как он попал в действительно опасное положение на фронте — один раз за всю гражданскую войну, — Троцкий писал: «так чуть не погибла Революция». Для него революция и его персоне — одно и то-же. То-же представление, несомненно, у него и сейчас. Но дело не в его личных представлениях. Дело в том, что сегодня меньшим сознанием ценности его персоны для какого-то дела оказались проникнутыми и люди, организовавшие его поездку. И если предосторожности самого Троцкого заключались сейчас в нахлобученной до подбородка шляпе, в погашенных огнях купе, в разговоре шепотом, в револьверах под подушкой и пр., — то предосторожности инициаторов его поездки гораздо значительнее: тут и полицейские кордоны, и подача специальных поездов, и допущение на его лекцию только «самых испытанных» социал-демократов — и то лишь по проверке паспортов и прочих документов; тройная проверка входных билетов, наглухо запертые все время лекции двери зала, тщательная конспирация и охрана его местожительства в Копенгагене. Все это, согласитесь, возможно лишь в том случае, если не сам только Троцкий, но какие то серьезные и влиятельные силы имеют основания придавать исключительное значение ему и его поездке. А это говорит, что его поездка вовсе не имела целью какую то лекцию — и что за ней стоял не только какой то союз датских социал-демократических студентов, но еще и гораздо более значительные лица и организации. Кто же?..

Поставим другие вопросы: что происходит сейчас в России? в ее правящих кругах? где Сталин? что с ним? почему он молчит? почему его видят только издали? почему он разговаривает с «массами» только письменно?

Еще: нет ли оснований думать, что Ста-

лина — во всяком случае, прежнего, с прежними физическими силами и физическим влиянием — уже нет или почти нет? не стоит ли в связи именно с этим внезапная и странная смерть его жены, Аллилуевой?

Мы не имеем сейчас точного ответа на все эти вопросы. Но мы все таки можем с большой вероятностью предположить, что на советских верхах идет сейчас глухая, для стороннего глаза почти скрытая, но самая напряженная и жестокая борьба за то, кому быть наследником Сталина: каким людям, какой политике. И, может быть, люди важнее сейчас политики.

Грубо очерчивая, можно различить две основные борющиеся сейчас группировки: те, кого я обычно называю «русские сталинцы», если хотите, просто русские (и компартии, и государственного аппарата), — и те, кого я, по имени их нынешнего объединителя, называю «кагановичи».

Русские верхи опираются и могут опираться только на внутри-русские силы: на народную массу с ее все более резко окрашивающимися в националистические тона настроениями.

«Кагановичи» могут рассчитывать на победу лишь при поддержке извне.

Что такое поддержка извне? Это — поддержка всех мировых противонациональных сил, включая сюда и часть интернациональных капиталистических кругов — и социал-демократию. На почве какой платформы, за счет каких жертв русскими национальными интересами договариваются (или уже договорились?) с этими силами кагановичи, этого мы еще знать не можем. Но цель сговора ясна: создание единого противонационального фронта против осмелившегося по всему миру поднять голову национализма народов. В Европе — это прежде всего единый фронт против Хитлера и его движения в Германии, против аналогичных движений в других странах. В России — утверждение у власти кагановичей, разгром всего противостоящего им, использование физической силы русских народных масс и создаваемых ими материальных ресурсов

против национально-освободительного движения других стран.

Повидимому, иностранные союзники Кагановича — да может быть и его внутри-русские союзники — считают его самого недостаточно сильным и авторитетным для руководства «решающими боями» и во внутри-русском и, тем более, в международном масштабе. Нужна более сильная, более опытная рука — особенно для заграничной работы. Кто же иной, как не Троцкий!? Не отсюда-ли — воскрешение Троцкого? Не отсюда-ли — его копенгагенская поездка?

«Революция — это искусство», говорит Троцкий. Его и пригласили, как мастера искусства революции. Не он-ли должен — посредственно или непосредственно — помочь разгромить русские силы в России? Не он-ли должен подтолкнуть, направить по правильному руслу подготовку коммунистической революции в Германии? Затем,

может быть, и в каких либо иных странах. Вот почему те же самые социал-демократы, которые несколько лет назад, стоя у власти в Германии, отказали Троцкому в визе, — теперь провезли его, не останавливаясь перед трудностями и затратами, по всей Европе: для совещания с ним соответствующих людей, для выяснения его условий, наконец, для оценки его нынешних сил. Ведь легко может статься, что «мастер революции» выдохся — и ни на что уже негоден...

Будущее покажет, удалась-ли копенгагенские смотрины, подошел ли Троцкий для предназначенной ему роли военного вождя объединенных сил интернационального марксизма. Настоящее-же (самим фактом этого «странного путешествия») говорит за то, что кагановичи и Россия и всего мира, повидимому, уже переходят в решительное наступление.

С. Дмитриевский.

„независимая“ манчжурия

Итак, Манчжурия объявлена независимым государством. Ввоз из Китая облагается пошлиной, передвижение из Китая или в Китай затруднено, организация почтово-телеграфного сообщения и управление железными дорогами находятся в японских руках, изменена денежная единица и т. д. Неземным остается только язык, попрежнему китайский, так как на нем только и изъясняется тридцатимиллионное китайское население Манчжурии (манчжурский язык, как известно, уже мертвый язык). Новым «независимым» государством номинально управляет несчастный отпрыск последней китайской династии, действительная же власть принадлежит японскому «полномочному послу», т. е. в сущности военному генерал-губернатору, опирающемуся на многочисленные японские войска.

Трудно было бы намеренно придумать положение, которое больше компрометтировало-бы идею не только Лиги Наций, но и любых международных соглашений и договоров, которое настолько не оставляло бы

камня на камне и от Вашингтонского соглашения девяти держав, и от пакта Келлога, и просто от элементарных положений международного права, — как все то, что проделано Японией в Манчжурии среди бела дня, на глазах у всего, т. н. «культурного человечества». Тем не менее это так. Посмотрим, что же за реальные выгоды дало подобное положение Японии?

Прежде всего может казаться, что Япония приобрела возможность углубленной эксплуатации Манчжурии, как рынка для ввоза. Дешевые китайские фабрикаты из Шандуньского полуострова и из Шанхая теперь облагаются пошлиной и это должно бы увеличить шансы на ввоз японских товаров. Но для тех, кто близко знает характер китайского потребления в Манчжурии, ясно, что отделение от Китая вызовет к жизни рост китайской же домашней индустрии в Манчжурии и мало что прибавит к иностранному ввозу, да еще теперь, после пережитого краем беспримерного наводнения и при все возрастающем разорении земледельче-